

ПУТИ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В СССР¹.

На судьбах философии в пределах СССР, пожалуй, больше, чем на судьбах какой-либо иной научной дисциплины, сказалось животворящее влияние Октябрьской революции. И немудрено, ибо революция, как это ни странно, теснейшим образом связана с философией, и если не каждая философия имеет свою революцию, то каждая революция имеет свою философию. Октябрьская революция 1917 г., действительно, свою философию имела.

На первый взгляд кажется, будто философия, это высшее проявление человеческого интеллекта, наиболее удалена и «забронирована» от сложных перипетий классовой борьбы, от закономерных процессов эволюции производительных сил и производственных отношений. Но так только кажется. Если бы это было так, в чем было бы объяснение той ожесточенной борьбы, которая имела место во Франции накануне Великой французской революции? Вся литература французской эпохи просвещения, и прежде всего и в особенности французский материализм XVIII в., была той философией, под знаком которой наступил взрыв революции. Самый материализм Дидро, Гольбаха и других был лишь философской прелюдией к революции. Отсюда понятны и те бешеные атаки со стороны господствовавших сословий, и те преследования со стороны французского абсолютизма, которые сыпались на головы материалистов.

Канун германской революции 1848 г. характеризуется аналогичными, хотя и своеобразными, явлениями. Бурный процесс разложения гегельянства, борьба радикально настроенной гегельянской левой с теизмом и с правым крылом гегелевской школы, преодоление идеализма Фейербахом и, наконец, преодоление материализма Фейербаха в диалектическом материализме Маркса и Энгельса—все это не только выражало на специальном языке политическую злобу дня, но и чем дальше, тем больше, было связано с конкретными формами классовой борьбы, все это было философской прелюдией к революции 1848 г. В этой последней,

¹ Сборник «Общественные науки в СССР. 1917—1927», М. 1928 и в сокращенном изложении «*Das philosophische Denken in der Sowjetunion*» в «*Europäische Revue*», 1927, Heft 4. Печатается по оригиналу «*Europäische Revue*».

в лице Маркса и Энгельса, давал свой первый бой едва успевший оформиться диалектический материализм.

В дальнейшем, как известно, подлинно революционная борьба пролетариата шла, и не могла не идти, под знаком марксизма. «Знак» же этот означал не что иное, как философию диалектического материализма, философию не только знания, но и революционного действия. Именно диалектический материализм был той идеей, которая становилась материальной силой по мере овладения массой. В октябре 1917 г. она и стала, пусть стихийно, той силой, которая совершила в России пролетарскую революцию.

Российское революционное рабочее движение, в лице сначала Плеханова, а затем Ленина, давно уже неразрывными узами связало свою судьбу с диалектическим материализмом. Именно поэтому так ополчались в свое время на марксизм не только официальные силы царизма, но и либерально настроенные круги «общества» и фрондирующие представители буржуазной науки. Даже внутри социал-демократии диалектическому материализму не раз приходилось выдерживать упорные атаки со стороны «марксистов», то пытавшихся сочетать Маркса с Кантом, то стремившихся подменить Маркса Махом и Авенариусом. Не случайно, что из всех марксистов Европы наибольший отпор в первом случае (последнее десятилетие XIX в.) дал Плеханов, а во втором (первое десятилетие XX в.) — Ленин.

Русский марксизм может гордиться тем, что из его среды вышли два таких теоретика диалектического материализма, как Плеханов и Ленин. Через все «возражения» и «опровержения» развивался диалектический материализм, направляя в лице Ленина революционное рабочее движение, служа свою службу пролетарской революции. Победа Октября была и его победой.

Революционное переустройство всей страны на принципах диктатуры пролетариата не могло ограничиться только некоторыми сторонами общественной жизни. Это переустройство захватило все общественное здание: и экономику и политику, не могло оно не коснуться и сложной идеологической надстройки. В горниле ожесточенной классовой войны не могла не «пострадать» и прежде господствовавшая философия. Степень глубины социально-политического переворота обусловила и степень «разрушения» в рядах старой «российской» философии. Начисто должна была быть сметена та «философия», которая культивировалась в духовных академиях. Отжила свой век почему-то выдаваемая за национально-русскую философию религиозно-философская мистика соловьевской школы, в последние годы блокировавшаяся с западно-европейским интуитивизмом. За ними стихийно получили сторицей неокантианское и иные направления идеалистической философии.

Новый класс, пришедший к социально-политической диктатуре, окруженный со всех сторон и во всех областях тем или иным оружием вооруженными врагами, начал осуществлять и свою идеологическую диктатуру. Это было понятно тем более, что широкие

трудящиеся массы стихийно тянулись к материализму, читатели же и почитатели всяких разновидностей идеализма частью оказались по ту сторону баррикад и окопов, частью же были во всяком случае выбиты из спокойных позиций созерцателей любомудрия.

Нужно сказать, что и позиции пролетариата тоже были не весьма покойными. Приходилось с оружием в руках защищать самое пролетарское государство, что—в интересующем нас контексте—означало вооруженную защиту права на изучение, разработку и дальнейшее развитие диалектического материализма. В таких условиях и в таких формах осуществлялось снова единство философии и революции.

Конкретно это приводило к тому, что в первый период революции, в эпоху так называемого военного коммунизма, старая философия, выбитая из своих университетских и журнальных позиций, постепенно сходила на-нет. Старые университетские диссертации закончились в Москве «Философией Плотина» П. Блонского и двухтомной «Философией Гегеля» И. Ильина. Последняя монография отражала начавшийся пробуждаться на Западе интерес к Гегелю, но отражала его в его реакционной части. Гегель Ильина не революционный диалектик, а идеалист-метафизик, учивший о «конкретности бога и человека».

Обстановка блокады и интервенции, конечно, мало способствовала развитию новой философской мысли. Указанный период поэтому характеризуется лишь изданием классиков философской мысли марксизма. В 1918—1920 гг. были переизданы основные философские работы Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. С другой стороны, пробудившийся в широких массах интерес к историческому материализму требовал скорейшего удовлетворения, хотя бы в форме переиздания старых популярных брошюр на эту тему. Объективно и стихийно поставленная задача в первые годы революции заключалась не в том, чтобы развивать дальше или углублять диалектический материализм, а в том, чтобы знакомить с ним массы хотя бы в элементарной форме, продвигать его в трудящиеся слои населения.

Эту задачу популяризации философии учли и идейные противники марксизма, приступив также к изданию популярных брошюр по введению в философию, логике, теории познания, этике и т. п. (С. Алексеев, Н. Лосский, Л. Карсавин, Э. Радлов и др.). Особняком стоит относящийся к этому же периоду выпуск III «Досократиков» А. Маковельского (Анаксагор и пифагорейцы),—несомненно полезное дело.

С переходом к новой экономической политике не мог не возникнуть и философский фронт. Этот термин вполне уместен, так как постановка пролетарским государством в порядок дня «третьего фронта», фронта просвещения, сразу же обнаружила, что эта область требует и живых сил, и оружия, и даже жертв как с той, так и с другой стороны. Зашевелился и лагерь идейных противников марксизма. С их стороны была сделана попытка основать

идеалистическую цитадель в Вольной философской академии, в Академии духовной культуры. Выбитый на девять десятых из университетов идеализм пытался обосноваться в этих вольных и внешкольных окопах. Н. Бердяев, С. Франк, Л. Карсавин и другие были идейными столпами этого поднимающего голову идеализма.

Идеализм оказался несовместимым со всем стилем жизни и борьбы Советского Союза; дело доходило, например, до того, что новое студенчество отказывалось слушать профессоров по общественным дисциплинам немарксистов. Необходимость борьбы с идеалистами вызвала между прочим организацию философского отделения Института красной профессуры (1921 г.) и способствовала появлению первого по преимуществу философского журнала «Под знаменем марксизма» (с 1922 г.). Борьба с явными идеалистами, можно считать, закончилась в 1924 г. пересылкой их лидеров по принадлежности за границу. Там, скинув сильно изношенные, древние одежды философского и политического либерализма, подавляющее большинство их обрело покой в лоне православно-мистической спекулятивной «философии».

Примерно с того же, 1921, года философско-материалистическая мысль в СССР стала делать быстрые успехи. Ликвидация военных фронтов, общее улучшение материального положения, подъем народного образования, упорная интеллектуальная работа марксистов, энтузиазм учащейся молодежи подняли философскую мысль на достаточную высоту. А предстояла действительно грандиозная работа. До Октябрьской революции у официальных и официозных представителей философии материализм был не только в загоне или в пренебрежении, но всякие стихийные ростки его и побегии пресекались в корне; начинать поэтому приходилось с азов.

У нас было бесконечное количество опровержений материалистического учения, но до 1905 г. не было на русском языке почти ни одного классика материализма. Поэтому первый долг русских марксистов заключался в том, чтобы дать их русскому читателю с соответствующими марксистскими предисловиями. Эта работа была начата Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в 1923 г.

Неверно было бы думать, что переводы классических философских произведений, которыми вообще была бедна русская литература, ограничиваются исключительно материалистами. Эти последние стоят лишь на первом месте. Долг перед старыми материалистами заключался, конечно, не только в том, чтобы издать их сочинения в переводе, но и в том, чтобы дать анализ и критику их взглядов в работах монографического характера. Не приходится говорить, что в царской России материалистам не везло и в этом отношении.

Интерес к истории философии и работы в этой области, не прекращаясь и в дальнейшем, характеризуют преимущественно второй период пооктябрьской философской мысли. Это обстоятельство вполне понятно и неизбежно: новые философские кадры

не могли начать серьезной философской работы, не пойдя на выучку к истории своего мировоззрения. Исторический путь был в этом отношении лучшим путем. Это, однако, не означало предания в жертву истории современных и злободневных проблем.

Философские задачи марксистов на ближайший период были прекрасно сформулированы и актуально поставлены В. Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма» в журнале «Под знаменем марксизма» (1922, № 3). Эта статья указывала задачи не только идейного, но и, если так можно выразиться в данном контексте, организационного характера. Ленин указывал в ней на необходимость марксистам-коммунистам привлекать к себе материалистов-некоммунистов, готовых идти на борьбу «с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества».

Первой задачей современных материалистов он считал решительную борьбу с идеализмом, или, как он выражался, «неуклонное разоблачение и преследование всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими публицистами».

Второй задачей, тесно связанной с первой, являлась, по мысли Ленина, пропаганда атеизма. С этой целью он предлагал между прочим переводить на русский язык «бойкую, живую, талантливую, остроумно и открыто нападающую на господскую поповщину публицистику старых атеистов XVIII в.».

Третью, гораздо более трудную, задачу Ленин усматривал в «союзе с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских «шатаний в сторону идеализма и скептицизма». Современное естествознание переживает крупную ломку. Как это ни странно, оно зачастую порождает реакционные философские школы и направления. Отсюда для марксистов задача «следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания», быть в курсе этих вопросов, изучать их.

Представление о том, что марксизм есть исключительно «социальная философия», исторический материализм в узком смысле этого слова, является старым предрассудком. Марксизм столь же близок естественным наукам, сколь и общественным. Не голое тождество, а *единство*, учитывающее и различие специфических явлений, *единство методологии* естественных и общественных наук, дано в диалектическом материализме или, если угодно, в материалистической диалектике. «Мы должны понять,—писал Ленин,—что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбу против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания». Это «философское обоснование» естественных наук

Ленин по справедливости усматривал в материалистической диалектике. Естественно-научный материалист должен стать диалектическим материалистом. Отсюда четвертая задача в области философии—изучение и разработка материалистической диалектики. Некогда Гегель дал выраженную идеалистическим языком «энциклопедию» диалектики. Изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, стало быть, разработка научной методологии,—вот та главнейшая задача, которая, по мнению Ленина, стоит перед философами-марксистами. «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать, и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды».

Это философское завещание Ленина не осталось без отклика. Конечно, масса работы еще впереди, но, можно сказать, к выполнению завещания уже приступлено. Выполнение это частично идет планомерным порядком на страницах того журнала, куда Ленин адресовал свою статью, частично стихийно, ибо Ленин гениально сформулировал те задачи, которые объективно, силою самих вещей и логики революции, выдвигались в порядок дня современной фазы диалектического материализма.

Первая задача обуславливалась натиском на марксизм и просто идеалистической пропагандой как внутри СССР, так, конечно, в гораздо более широкой и серьезной форме на Западе. Контратаки марксистов имели место главным образом в виде устных докладов, выступлений на диспутах, критических статей, иногда памфлетов.

Особо сильный, незамедлительный и резкий отпор встречали и встречают критика марксизма из рядов социал-демократии и всякие попытки ревизионистского характера, хотя бы они и исходили из кругов, близких революционному марксизму. В этом отношении историческими примерами является страстная полемика Плеханова и Ленина с философскими ревизионистами.

Что касается того пункта статьи Ленина, где он говорит о вопросах естествознания, то и в этом отношении кое-что уже сделано. Мы вернемся еще к принципиальным разногласиям наших философов и естественников, пока же заметим, что проблемы современного теоретического естествознания стоят едва ли не в центре философской мысли в СССР. Поскольку марксизм только еще начинает проникать в эту область, понятна осторожность взаимного ознакомления.

Первый период, пока не наметились принципиальные группировки, характеризовался сравнительно мирными отношениями. Материалисты единым фронтом давали отпор идеалистическим выводам из естествознания и с удовлетворением отмечали положительные достижения материалистического естествознания на Западе. Особое внимание привлекали к себе современная теория

строения материи, теория относительности и современные теории в биологии, в частности—в контексте последних—проблема взаимоотношения дарвинизма и марксизма.

К этому же периоду относятся и работы естествовников, стремившихся в духе марксизма поставить общий вопрос об отношении естествознания к материалистической диалектике. Однако вскоре вскрылся ряд таких обстоятельств, который значительно изменил общую обстановку и открыл собою новый период не только в частном вопросе взаимоотношения философии и естествознания, но и в общих путях философской мысли в СССР в ее определяющих тенденциях. «Обстоятельства» эти накапливались постепенно, и потому на них нужно остановиться подробнее.

До Октябрьской революции, в самом конце XIX в. и в первое десятилетие XX в., диалектическому материализму приходилось бороться почти исключительно с явными или скрытыми идеалистами. Поэтому центр тяжести философских дискуссий всегда лежал на защите, обосновании и развитии *материализма*. Между тем только этим моментом не исчерпывалась, конечно, философия марксизма. Нельзя забывать, что философия марксизма есть *диалектический* материализм. Только в этом случае понятны те пренебрежительные отзывы, которые встречал со стороны Энгельса естественно-научный материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта. Этот момент материалистической диалектики, как общей научной методологии знания и действия, закономерно и неизбежно встал на теоретическом пооктябрьском фронте во весь свой рост. Октябрь принципиально победил на территории СССР идеализм. Мы уже говорили о всех формах «исхода» идеализма после Октября. Все (речь идет об открытых литературных выступлениях) оказались материалистами, если не по существу, то по внешности. Однако это не означало, что диалектический материализм может сложить оружие. Во-первых, обозначилась весьма трудная задача борьбы с материалистами лишь по внешности, лишь облекающимися в одежды материализма; во-вторых, определились разногласия среди самих материалистов, ибо в этом лагере оказались, с одной стороны, просто материалисты-эмпирики, а с другой—диалектические материалисты.

Эмпиризм по самой природе своей враждебен теоретическому мышлению, и это столкновение внутри марксизма должно было рано или поздно произойти. Первый этап борьбы имел место по вопросу о роли и значении философии и вообще идеологии. Первым выступил С. Минин со статьей «Философию за борт!» и затем «Коммунизм и философия». После непродолжительной полемики право философии на существование было защищено.

Понимание философских задач эпохи обнаружил А. Деборин. Тенденция как его педагогической работы, так и литературной деятельности заключалась в подчеркивании научно-методологического значения диалектического материализма, в разработке материалистической диалектики. Это вело, как отмечал в своей статье

Ленин, к анализу и материалистической переработке Гегеля. Можно сказать, что после указаний Ленина работами А. Деборина «Маркс и Гегель» (1923) и его же «Очерками по истории диалектики» (Кант и Фихте) начинается новый, третий, период в философской мысли в СССР. Пробуждается огромный интерес к Гегелю-диалектику, и в то же время, если так можно выразиться, начинается форменная борьба за Гегеля. Дело в том, что идейные ликвидаторы философии отступили, и их место заняли материалисты-эмпирики, которые ничего не желали знать о Гегеле. К ним примкнули материалисты-естественники. И те и другие видели в изучении Гегеля «схоластику», «гегельячество» и т. п. Не будучи в состоянии, пребывая марксистами, вовсе отказаться от диалектики, они или ограничивались чрезвычайно узким ее пониманием, или утверждали, что развитие современного естествознания делает ненужной диалектику, как особую научную отрасль, ибо «диалектическое понимание природы—механистическое понимание» (И. Степанов). В специальной книжке И. Степанов пытался обосновать этот тезис («Современное естествознание и исторический материализм»). Книжка эта вызвала оживленные как устные, так и литературные дискуссии.

Положительная разработка материалистической диалектики несомненно тормозилась теми препятствиями, которые ставились ее противниками. С другой стороны, объективно эти дискуссии были полезны, так как способствовали скорейшему выявлению картины в целом и скорейшему размежеванию философских направлений.

К этому времени подоспели два события: опубликование Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса рукописи Ф. Энгельса «Диалектика природы» и опубликование Институтом В. И. Ленина извлечений из философских черновых тетрадок В. Ленина, в особенности отрывка «К вопросу о диалектике». Эти рукописи не только обнаружили глубокий интеллект Энгельса и Ленина к Гегелю-диалектику, но и—что гораздо важнее—воочию показали то громадное значение, какое оба эти классика марксизма придавали материалистической диалектике. Вместе с тем указанные рукописи весьма недвусмысленно рассудили внутримарксистский спор. Тем не менее философская дискуссия не остановилась, наоборот, она вспыхнула с новой силой и достигла высшего напряжения на диспуте, продолжавшемся два месяца в Институте научной философии весной 1926 г. На этом диспуте против защитников диалектики, в лице А. Деборина, А. Троицкого, Я. Стэна, Н. Карева, А. Максимова, И. Луппола и др., выступил сформировавшийся к тому времени блок из естественников-эмпириков, механических материалистов, эклектиков и «буферной» группы,—блок в лице Л. Аксельрод, А. Тимирязева, А. Варьяша, С. Перова и др. Итоги этого диспута сформулированы А. Дебориным в статье «Наши разногласия».

Хотя в основном спор закончен и группировки определены, отдельные проблемы несомненно долго будут еще питать литературную полемику.

Таким образом—если вспомнить то, что мы говорили выше—второй этап взаимоотношений «философов» и «естественников» характеризуется несколько иной расстановкой сил: с одной стороны, философы принялись за разработку методологических вопросов естествознания, и к ним примкнули пошедшие на выручку естествовники, с другой стороны, часть «философов» перешла в лагерь и отдалась на волю эмпирического естествознания.

Хотя силою вещей проблемы естествознания стали актуальными вопросами философии марксизма, но, само собою разумеется, это—лишь вопросы *диалектики природы*. В равной степени можно говорить и о вопросах *диалектики общества* или истории, т. е. о вопросах собственно-исторического материализма. Общей основой того и другого являются проблемы материалистической диалектики, как научной методологии, что в свою очередь приводит к определению задач, содержания и структуры философии.

Хотя для текущего периода философии в СССР характерна разработка этих актуальных проблем, но продолжается и работа в области истории философии. В специфической обстановке СССР, когда философия врывается в самую жизнь, а жизнь наделяет философские работы и выступления страстностью и горячностью, живы марксистские традиции теоретической полемики. Отдельные проблемы, казалось бы, далекой от современности *истории философии* обсуждаются с не меньшими пылом и страстью, чем самые злободневные вопросы. Немудрено поэтому, что последние годы были свидетелями горячих полемик по вопросам истории философии. Из наиболее крупных явлений в этом отношении можно отметить полемику, имеющую и актуальное значение, по поводу статьи Л. Аксельрод «Спиноза и материализм». Чтобы понять эту полемику, нужно знать, какое историческое значение имеет для диалектического материализма Спиноза. Трактровка спинозовской субстанции как абстрактного закона, преувеличенное связывание его с иудейской схоластикой и религиозной философией, очевидно, искажали исторический облик Спинозы и отделяли его от философии марксизма хотя бы и в исторической перспективе.

Разработка общих проблем материалистической диалектики не могла не коснуться и области исторического материализма. В этой связи встал вопрос о содержании и структуре исторического материализма, как науки. По этому вопросу сразу же наметились две точки зрения; одна строит исторический материализм как *методологию* социального знания и социального действия, другая рассматривает его как *социологию*. Во всяком случае должно быть ясно, что исторический материализм есть не что иное, как применение диалектического материализма к специальной области общественных явлений и процессов.

Еще в свое время Плеханов, прекрасно понимая это соотношение, протестовал против названия *экономического* материализма. Тем не менее нужно сказать, что в широких кругах исторический материализм понимали узко, именно в смысле материалисти-

ческого понимания истории в собственном значении этого слова. Выступление в наши дни на первый план момента материалистической *диалектики* должно было сказаться и здесь. Если в первый период развития философской мысли в СССР, т. е. примерно до 1921—1922 гг., проблема диалектики, так сказать, внутри исторического материализма не подчеркивалась, то во второй и особенно третий период диалектическая структура исторического материализма, как отражение диалектики истории, выявилась вполне отчетливо. Такое единственно правильное понимание исторического материализма было ярко сформулировано М. Покровским в речи при открытии научного Общества историков-марксистов «Задачи Общества историков-марксистов».

Таковы те пути и тенденции, по которым следует развитие философской мысли в СССР.

Оглядываясь на истекшее десятилетие, мы можем с уверенностью сказать, что кое-что сделано. Десять лет (вернее не десять, а лишь пять-шесть лет работы) прошли не даром.

При оценке достигнутых результатов и сделанных успехов нужно учитывать следующие обстоятельства. Условия блокады, интервенции, классовой войны, условия империалистического окружения, обуславливающие отрыв громадного количества живых сил и энергии от теоретической работы, не могли не отразиться на темпе и качестве развития философской мысли. Далее, формально СССР в философском отношении не имел той многовековой традиции, которая характеризует буржуазные страны и всевозможные разновидности идеалистических систем. На территории СССР в смысле многолетней материалистической традиции речь могла идти лишь о таких фигурах общественных и политических писателей и деятелей, как А. Радищев, некоторые декабристы, В. Белинский последних лет своей жизни, Д. Писарев и Н. Чернышевский, каждый из которых в той или иной степени был материалистом. Эта старая традиция через Г. Плеханова и В. Ленина слилась в исторической перспективе и растворилась в *диалектическом материализме Маркса и Энгельса*.

До Октябрьской революции диалектический материализм объективно мог иметь лишь весьма немногочисленных представителей. Эти последние не имели достаточных условий для *количественно* плодотворной работы, но *качество* их работы принесло достойные плоды после Октябрьской революции. Только в эту эпоху оказалось возможным создать более или менее сносные условия для творческой философской работы. Как протекала эта работа, мы, останавливаясь лишь на наиболее существенных сторонах, пытались показать выше. Три момента характеризуют ее и намечают ее пути на ближайшее будущее:

1) Философия в СССР, отменяя в сторону все идеалистические и метафизические пережитки, неуклонно развивается под знаком диалектического материализма.

2) Философия в СССР, неизменно отличаясь бодрым и боевым тоном, сочетает в себе как солидную работу по изучению и анализу наследия прошлого, так и актуальные, жизненные проблемы революционной современности.

3) Философия в СССР, связавшая свою судьбу с пролетарской революцией, стоит на единственно научном и верном пути своего осуществления, которое является в то же время осуществлением коммунизма.